

Стародубцева Л.В.

«ЗОВ ИНОГО»: ГНОСТИЧЕСКАЯ КОСМОГОНИЯ И МНЕМОНИКА ИМЕН

Актуальность. Каждое явление может оставить след как в позитивном, так и в негативном оттиске? и неизвестно, какой из следов в памяти окажется более прочным. Как и судьба большинства отверженных, еретических учений, история гностицизма – иллюстрация того, как мысль сохраняется преимущественно по своим «негативным отпечаткам». «Отрешенные» книги раннехристианской традиции, в большинстве своем уничтоженные ортодоксальной церковью, сохранились в памяти мысли в основном в разорванном виде фрагментов и цитат, включенных в произведения самих же защитников ортодоксальной церкви. Апокрифы, герметические и гностические тексты, которые, казалось, содержали в себе «диавольские семена лжеименного знания», беспощадно уничтожались и уцелели лишь частично, пройдя двойную цензуру иудаизма и христианства. О гностических учениях долгие годы судили преимущественно по упоминаниям философов-неоплатоников, сообщениям церковных историков и христианских авторов: Климента Александрийского, Оригена, Тертуллиана, Ипполита, Иринея, Епифания.

Лишь в относительно более позднюю эпоху были обнаружены памятники, по которым стало возможным судить об основных источниках гностицизма. Это космогонические отрывки (миф о творении человека у наассенов, так называемые Лейденская и Страсбургская космогонии, именующиеся по месту найденных папирусов); герметическая литература; мандейские писания (само название секты мандеев, также известной под именами сабеев и назореев, произошло от слова *mancla*, знание; мандейская религия в буквальном смысле означала религию знания-гнозиса); наконец, гностические Евангелия в рукописях Наг-Хаммади.

Опираясь на открытые в археологических раскопках тексты, исследователи гностицизма (В. Буссе, А. Гарнак, Ж. Доресс, Ф.Ф. Зелинский, Г. Йонас, Л.П. Карсавин, Ж. Квиспель, А. Кеслер, Л. Менар, М.Э. Поснов, А. Ранович, М.К. Трофимова, С.Н. Трубецкой, А.Л. Хосроев и др.) отдали долг полузабытому учению и спустя два тысячелетия со времен его расцвета в достаточно полном объеме воскресили историю гностической мысли во всем разнообразии ее философско-теологических доктрин, уходивших корнями в Вавилонию, Египет, Персию и Грецию. «Черная память» об учении гнозиса заметно «просветлилась» и позволила оценить его уникальное место в истории идей.

Цель данной работы – раскрыть особенности гностической космогонии и магии гнозиса в особой, мнемонической, интерпретации. Ключевой проблемой здесь является соотношение понятий «память» и «гнозис». Последнее понятие имеет достаточно четко очерченные пространственные и хронологические границы. Гностическое движение появилось в языческом мире до христианства и, начавшись с востока, через Египет и Палестину постепенно продвигалось к Риму. Вот далеко не полное перечисление

иудейских сект и дохристианских общин, в той или иной мере проникнутых гностическим мирозерцанием: филонисты, терапевты, ессеи, саддукеи, фарисеи, галилеяне, имеробабтисты, масмофеи, самаритяне, симониане, клеовиане, досифеане, горфеане, эбиониты, елкезаиты [4, 8]. Гностическое движение существовало также одновременно с христианством, подвергаясь его воздействиям, влияя на него и породив особый христианский гностицизм, представленный разнообразными течениями и сектами, среди которых менандреане, маркиониты, карпократиане, валентиниане, барбелиты, василидиане и сатурнилиане, офиты (сефиане, каиниты и др.).

Иногда рамки понятия «гностицизм» расширяют до представлений о некоем вневременном умонастроении, вечном настрое человеческого духа [10]. Но даже если подразумевать под этим понятием вполне определенный феномен истории религии эпохи поздней античности, то и в этом случае гностицизм останется типично «зонтичным» определением, за которым могут прятаться самые непримиримые и противоречивые явления. Понятие гностицизм вмещает множество мистических культов, религиозных союзов и общин, которые опирались на тайные откровения, теогонические и космогонические мифы, учения о небесной иерархии, имена сил и заклинательные формулы, астрологические суеверия эпохи римского синкретизма, легко соединявшего эманационные и дуалистические теогонии, мистику и каббалу, неоплатонизм и христианство.

Среди общих черт гностических учений обычно называют эзотеризм и изошренно-иносказательный мифологический язык описания, сквозные представления о том, что весь материальный мир есть зло и результат трагической ошибки, центральную идею спасения как избавления от оков мира через практику аскетизма, общее чувство затерянности человека в чуждом и враждебном мире. Также и ряд иных черт, среди которых пессимистическая архитектоника небесных сфер, разместившая Бога за своими пределами, учение о предсуществовании душ и рассказы об их восхождении и нисхождении, идея служения небесным сущностям путем произнесения магических имен и заклинаний определяли общее содержание гностических учений.

Космологические модели в учениях гностиков отличаются сложнейшей архитектурой. Духовная многослойность космоса (первоначально семь небес, но в различных вариантах гностических учений их насчитывалось девять, двенадцать, тридцать, триста шестьдесят пять) была тесно связана с идеей двойных путешествий, таких как, например, сошествие Бога через семь небес к князю мира сего и обратное восхождение на седьмое небо. (Аналогичные представления пронизывали религиозное сознание и культовую практику мира первых веков христианства в целом, часто служили сюжетом древних мистерий [5]). При спуске на более низкую ступень высший принцип преобразуется, принимает подобие обитающих там сущностей и остается не узнаваемым ими. Соответственно, при восхождении с одного уровня на другой обитатели низших миров также оказываются способными преобразоваться, изменять свою сущность.

Подобие макро- и микрокосма с легкостью интериоризировало подобные представления, перенося идею духовных путешествий во внутренние миры индивидуального сознания. Как в макрокосме человек отграничен от Бога семью (или

более) сферами, так и в человеческом микрокосме оцепеневшая, спящая в плоти *пневма*, которая называется также *искрой*, снова ограничена семью (или более) проистекающими из них облачениями души. Во внутренних мистических путешествиях, в спусках, одевая себя покров за покровом, пневма все глубже погружается в сон телесный. В восхождениях, снимая с себя слой за слоем ряды облачений, развязывая узел за узлом, сбрасывая оковы в ходе своего странствия, пневма высвобождается из плоти. Здесь часто оказывались уместными мнемонические аналогии. *Падение* – постепенная потеря духа, набрасывание покровов тьмы, *забвение*. *Восхождение* – вновь-обретение духа, снятие темных покровов, *припоминание*.

Многие гностические космогонии представляют собой вариации мнемонического мифа, структура которого подчинена логике двойного движения сознания: уход в забытие и возвращение в память. Согласно типичному сюжету описаний творения мира у гностиков, в изначальной полноте и целостности (*Плероме*) возникает изъян, или порча. Семя света падает во тьму греховной материи – так возникает этот мир. Из тьмы материи дух, свернутый в семени, пробуждается и поднимается ввысь, происходит исцеление от изъяна – спасение в свете чистом. С этой точки зрения наиболее характерен «Апокриф Иоанна», сочинение сирийско-египетского гностицизма валентиниан, сохранившееся в рукописях Наг-Хаммади, которое не только соответствует структуре мнемонического мифа, но и использует в описании космогонического процесса сами понятия памяти и забвения.

Построенный по принципу рассказа в рассказе, апокриф Иоанна вначале повествует о непознаваемом и неопишемом Едином, из которого эманируют сущности: двенадцать эонов высшего мира. В зонах Единое открывает себя, и они «неизменно свидетельствуют, что *помнят о своем происхождении и связи с Единым*» [1, с. 178]. Первая сила, существовавшая до всяких эонов, носит название *Проноя Всего (Барбело)*, или, буквально, пред-знание, пред-мышление, пред-видение Всего. Проноя – «знание, дающее знание», пра-матерь, или материнское чрево мира (*Ап. Ин. 4.30-35*) [далее ссылки на «Апокриф Иоанна» даются по изданию [1] в переводах с коптского М.К. Трофимовой]. Пронюю можно условно называть *прапамятью мира*, а не собственно памятью, которая, согласно апокрифу, расположена значительно ниже в цепи творений. Из второго эона, озаренного светом Ориэль, происходят еще три: *мысль, чувство и память (Ап. Ин. 8.10)*. Далее следует длинейший перечень имен сущностей, спускающихся все ниже и удаляющихся от Единого. Замыкает эту цепь последняя из сущностей высшего мира. Премудрость София.

Здесь-то и берет начало трагическая ошибка в мироздании, произошедшая во многом именно по причине забвения. Самочинный поступок Софии влечет за собой падение в тьму незнания и, как следствие, появление Иалтабаофа, сына Софии. Смещение света Единого Отца с тьмой незнания – болезнь, *изъян матери*, укрывшейся покровом тьмы. Этот изъян объясняется так: «*Забвение овладело ею*». На вопрос, откуда возникло само Забвение, апокриф Иоанна дает странный ответ: «*Забвение не возникло вблизи Отца, хотя оно возникло из-за Него*» [3, с. 185]. В другом гностическом сочинении, «Евангелии Истины», есть похожие рассуждения:

«Когда-то *Забвение* [нижний мир] появилось, потому что они [Эоны] не знали Отца, следовательно, если они достигли познания Отца, то *Забвение* стало истинным примером не-существования»; «Они были *Ничто*, эта *Боль*, и это *Забвение*, и это творение *Лжи*» [там же, с. 196, 312]. После обморока забытья София вновь возвращается в память, «вспоминает о Свете, который покинул ее» [там же, с. 190, 342]. Так самой причиной сотворения мира оказывается забвение Софии, Премудрости Бога. Залог спасения падшего мира – в неокончателности забвения, в самой возможности воспоминания о первичном свете.

Три сущности произошли от опытов «падшей Софии». Из ее страсти возникла материя, из ее поворота назад – душа, из света после ее очищения – дух, или пневма. Мирозидание есть начало «Сна Забвения», и наоборот, падение в забытье есть начало творения мира. Из страсти Софии по Ошибке, в результате Изъяна, Неведения или Забвения (все это в апокрифе Иоанна синонимы) на свет явился Иалтабаоф, первый архонт. Он силен и самоуверен, *не помнит о высшем мире* и, претендуя на единственность, становится творцом низшего мира и человека. Последний создан из «незнания тьмы», это «могила» вновь слепленного тела. Первый архонт дал Адаму *испить воду забвения-неведения*, дабы он не мог узнать, откуда он произошел. Архонт заковал человека в ужасные *оковы забвения*, сделавшие его смертным, бросил его душу в темницу: «И он принес забвение Адаму» (Ап. Ин. 22.20). Но сохранившаяся в нем частица высшего мира – *Эпинойя света*, та, что упрятана в темной тюрьме его тела, должна разбудить мысль.

Испивший напиток забвения человек может вспомнить о своем происхождении из высших миров лишь благодаря частичке памяти, скрытой в душе. Вот как поэтично пишет об этом автор апокрифа: «В тех дух обманчивый набрал силу, когда они впали в заблуждение. И он томит душу, и совращает ее к делам лукавства, и *бросает ее в забвение*. И после того, как она выйдет из тела, ее отдают властям, тем, которые произошли от архонта, и они сковывают ее оковами и бросают ее в темницу и *кружат ее до тех пор, пока она не пробудится от забвения и не достигнет знания*. И подобным образом, когда станет она совершенной, она спасена» (Ап. Ин. 27.3-11).

Если *Пронойя* – до-знание, пра-память мира, хранящаяся вне мира и предсдерживающая в себе все, то *Эпинойя* по отношению к высшему Свету – своего рода послезнание, память памяти. По отношению же к Тьме низшего, земного существования это частичка памяти о внемирном, которая хранится в самом мире. Однако для духовных сущностей, которые, согласно гностическим космогониям, способны перемещаться из низших миров в высшие и обратно, *Эпинойя* и *Пронойя* – одно и то же. Это искра духа, свернутая сверхплотная сущность, светящаяся точка – «атом памяти». Он кочует между мирами, пребывая в вечном мнемоническом переходе.

Все творение «забылось», сделалось слепым, но в нем утаилась единственная надежда прозреть и спастись – искорка духа, из которой может разгореться воспоминание об истине. Эта скрытая искра света познания, посланец высших миров, говорит о себе: «Я же, *совершенная Пронойя всего*, я изменилась в семени моем. Ведь была я вначале, ходя путями всякими. Ибо я – богатство света. Я – память Пронойи.

Я вошла в величие тьмы, и я вытерпела, пока не вступила в середину темницы. И основания хаоса двинулись. И я, я сокрылась от них из-за лукавства, и они не познали меня. Снова вернулась я во второй раз. И я шла, я вышла из принадлежащего свету - я, память Пронойи,— я вошла в середину тьмы и внутрь преисподней, я искала домостроительство мое» (Ап. Ин. 30.10-26).

И снова эта частица света надежды и спасения бежала ввысь, к своему корню света, а когда в третий раз она вошла в темницу, забывшийся человек смог наконец пробудиться от своего тяжелого сна – *опомниться*. И теперь Память первичной целостности, воспоминание о высшем мире говорит человеку: «Я Проноя света чистого. Я мысль девственного Духа, который поднял тебя до места почитаемого. *Восстань и вспомни*, ибо ты тот, который услышал, и следуй своему корню, который есть я... И я пробудила его и запечатлела его в свете воды пятью печатями, дабы отныне смерть не имела силы над ним» (Ап. Ин. 31.10-24).

Разворачивание многого из Единого и последующее сворачивание в единство, погружение в сон и пробуждение, падение духа в тюрьму тела и его восхождение в небесную отчизну, ослепление и прозрение, уход из света во тьму и возвращение к свету, болезненный изъян и исцеление, утрата первичной полноты и восстановление в изначальном состоянии – все эти двойные метафоры диалектики мирового процесса в той или иной мере уместаются в смысловом поле мнемонической логики апокрифа Иоанна, где *свет Пра-памяти и тьма Забвения* в схватке друг с другом становятся важнейшими персонажами космической истории.

Мировая драма превращается в мнемоническую мистерию *падения высших космических энергий в забытие и последующее космическое припоминание* – исцеление мира от изъяна забвения, возвращение к полноте памяти Плеромы. Таково завершение не только судеб индивидуальных душ, которые, согласно учению о предсуществовании, сходят на землю и затем возвращаются к небу, но и тотальной судьбы космического целого. Как некая помысленная мысль, покидая фокус активной памяти, постепенно рассеивается, угасает, погружается во мрак забытья, а затем вновь пробуждается в воспоминании, так и судьба вселенского целого подчиняется логике помрачения пра-памяти Абсолюта и движения забывшегося мира к припоминанию самого себя. Гностические космогонии можно считать, в какой-то мере, метафорическими мостиками понимания, переброшенными от памяти человека к памяти универсума, блистательными поэтичными аналогиями процесса впадения в забытие и припоминания.

Гностические трактовки мнемонического мифа достаточно самобытны, но, вместе с тем, в них отзываются и вековые наслоения истории мысли. Это очередная вариация на тему платоновского анамнезиса, насыщенная орфическими мотивами, мифологическими образами умирающих и воскресающих божеств, буквальными цитатами из герметических текстов, парафразами сюжетов древних мистерий, ветхозаветными персонажами и понятиями, перекликающимися с учением упанишад и восточного мистицизма. Но гностический текст вовсе не есть простая сумма цитат и мотивов, почерпнутых из разных источников. Это достаточно стройное, внутренне целостное повествование, результат синкретического переосмысления многовековой и

многоязыкой истории идей **в попытке** создать своего рода метаязык описания картины космического целого, связующего человеческое Я, мир и Бога.

Среди найденных гностиками ярких и выразительных мнемонических образов – забытье-падение Премудрости; искра света, упрятанная во тьме косной материи; стенание и плач отвердевшей плоти в ее томлении по высшему свету; совершаемый трижды спуск частички пра-памяти во тьму забытья и страстный призыв:

«*Пробудись, очнись, вспомни*, обращенный к страдающему бездуховному миру. *Восстань и вспомни!*» – взывает частичка высшей пра-памяти к забывшемуся человеку в апокрифе Иоанна. Сходный призыв к человеку, исходящий из уст Бога, есть и в тексте одного из апокрифических Евангелий, рассказывающих о детстве Иисуса. Совершая чудеса исцеления, Иисус говорит спасенному: «*Говорю тебе, встань теперь... и помни обо Мне*» [*Евангелие детства*. Х.ХУШ) [1, с. 133] Добавление это отсутствует при описании исцелений в канонических новозаветных текстах. В апокрифе эти слова произнесены дважды. Удвоенные повторением, звучат закливание «опомниться» и заповедь «памятовать».

Композиция этой фразы словно бы разломила надвое ее смысл. Первая часть призыва: «*Говорю тебе, встань*», – мгновенное пробуждение от сна, снятие оков забвения, обращение, тождественное понятиям «очнись», «пробудись», «опомнись». Вторая часть фразы: «*и помни обо Мне*», – растянутое во времени, длящееся памятование. Первое подобно яркой вспышке света, второе – светящемуся следу кометы. Так же различаются между собой внезапное пробуждение и непрерывное бодрствование, мгновенное обращение в веру и каждодневный труд ее поддержания. Это место апокрифического «Евангелия детства» обычно толкуется так: чудеса, творимые Иисусом в этом мире – *напоминание* о том, что существует мир невидимый [1, с. 132]. Иномирное, вырывающееся за рамки повседневного (и наоборот, врывающееся в привычный мир из своего инобытия), служит *напоминанием об истине*, о необходимости устремляться на ее поиски. Спасение, как и наказание, важно не само по себе, оно, по мысли автора апокрифа, должно служить обращению неверующих. Призыв помнить о чуде, о вторжении сверхъестественного в обычный мир, содержал и скрытое предостережение забывчивым. В этом его двойная суть: память-благодарность-за-спасение слита воедино с памятью-страхом-Божьим. Помнящие будут спасены, забывчивых ждет наказание, они будут брошены «во тьму внешнюю».

Зов к пробуждению от сна-забытья и призыв помнить о надмирном – фундаментальные образы гностических учений. Мандейскую и манихейскую религию иногда именовали «религиями зова». В мандейских писаниях зов свыше пробудил Адама, и он услышал слова посланного на землю вестника высших миров: «... Все, что *вспомнил ты с любовью...* я послал тебе. Я пришел и буду учить тебя, Адам, и освобожу тебя из этого мира. *Не спи, и не дремли, и не забудь...*» [3, с. 97]. В многочисленных литературных версиях зова он соединял, как правило, три элемента: напоминание о трансцендентном происхождении человека, обещание спасения и нравственные указания, как жить в мире впредь.

Множество смыслов впитали в себя призыв *опомниться* и заповедь *помни*.

Важнейшие из них – не считай, что видимым, слышимым, ощущаемым ограничен мир; помни откровения Иного; в сфере чувственного вспоминай о сверхчувственном; не погрязай в мирском и, окунувшись в суету сует, не забывай о высшем. Гностические тексты во многом и сами призваны были служить напоминанием о забытой истине. Гнозис являлся в мир откровением неотмирной Памяти. И то знание, которое воспевали поклонники гнозиса, было подобно Эпинойе света, воспоминанию об отсутствующей в этом злом мире совершенной реальности абсолютного Блага – искорке духа, способной пробудить забывшихся зовом: «*Восстань и вспомни*».

Вселенская Память не отделена от человека неодолимыми преградами. Ее книги и письма открыты человеку, как и человек, один из персонажей этих «памятных книг», открыт памяти Всевышнего. Память Бога о творении и память творения о Боге распахнуты друг другу. Все мысли, слова и деяния сохраняются в надмирной пра-памяти. В ней извечно и на веки веков записаны судьбы мира, перечислены души всех уже отживших и еще нерожденных людей. В этих *письменах Бога* свернуто все, что происходило, происходит и произойдет на земле, все собрано воедино в вечной вселенской памяти Абсолюта.

Однако зачем Памяти, которая все помнит, помнить саму себя? Она помнит не себя, а Другое. Память нуждается в существовании забвения и забывшихся, ибо без них невозможно припоминание. Так же, как Творец нуждается в творении, так и вселенская Память оправдывает существование Другого – мира, упавшего в тьму невежества и забвения. На одном смысловом полюсе привычных для гностицизма представлений – универсальная память, на ином – погрязший во зле мир греховной материи. Это мир забывших Бога, отпавших от полноты всеобщей памяти.

«Что же ты сделала и забыла Господа Бога своего? Зачем осквернила душу свою? Зачем опорочила душу свою и забыла о Господе Боге своем?» (*История Иакова о рождении Марии*. XIII) [9, с. 65]. Этими причитаниями Иосифа из «Истории Иакова о рождении Марии» эпоха гностицизма вопрошала не только согрешившую женщину, но и всю дольную материю мира, забывшую свой горный исток. Однако *узы забвения временны*, как говорится в апокрифическом «Евангелии от Марии», ибо мир *есть «отпечаток отпечатка свыше»* [9, с. 156]. В сквозной проницаемости слоев Мироздания существа из низших миров, пророки и «знающие», наделены особым даром совершать духовные восхождения к мирам более совершенным и наоборот, высшие существа – Бог, ангелы, посланники – способны спускаться к падшему миру.

Бесперывное духовное странствие – таинство превращений духа в его бесконечных вознесениях и падениях – пронизывает гностические тексты трагической вертикалью двойной бездомности души. Там, в занебесье своего истинного отечества, впадая в помрачение забвения, душа словно бы припоминая о земном, падает вниз. Здесь, на земле, чужая миру, душа забывает о нем, припоминая свой небесный дом. Образ *Чуждой Жизни*, согласно Г. Йонасу, есть первичный символ гностицизма. В христианско-гностической литературе впервые в истории человеческой речи возникает понятие «Чуждый Бог» (у Маркиона). Гностические тексты содержат непрерывные упоминания о «Чужом», «Другом», «Неизвестном», «Безымянном», «Скрытом». Бог гностиков

(Валентин именовал Его *Бездной*, Василид – *Богом Небытия*) бесконечно чужой этому миру. «Псалом Души» наассенов или плачи из «*Pistis Sophia*» – драматичные стоны безысходных страданий Души, затерянной в лабиринтах враждебного мира. «Ты не отсюда, и корни твои не в этом мире» – рефрен гнозиса.

Исток мира – вне мира. Мы чужды ему, он чужд нам. Один из постоянных гностических мотивов ностальгический плач чужеземца, потерянного в далеких краях. В отчужденности изгнания он вспоминает о своем неотмирном корне, и в этом пробуждении тоски по родине – начало его возвращения. Ибо, как известно, в образе чуждости можно отыскать две стороны: как негативную (страдание изгнанника), так и позитивную (стремление отыскать дорогу назад). О человеке-страннике чуждого мира повествует «Гимн Жемчужине», гностическое сочинение, найденное в апокрифических Деяниях апостола Фомы (сюжет «Гимна Жемчужине» повторяется в суфийской притче о царском сыне). Рожденный не в этом мире, от Царя Царей, человек послан в Египет достать Жемчужину. Но, плененный, он забывает о своем происхождении: «Я забыл, что я царский сын, и служил их королю. Я забыл Жемчужину, за которой мои родители посылали меня. Из-за тяжести их пищи я погрузился в глубокий сон» [9, с. 84].

Душа спит – забывает себя в материи этого мира. Но однажды, услышав зов другой отчизны, она может пробудиться и вспомнить Иное. Так пробудился и царский сын, получив от вестников послание: «*Пробудись и встань* от своего сна, и вникни в слова нашего письма. *Вспомни*, что ты – царский сын: *узри*, кому ты служишь в рабстве. *Помни* о Жемчужине, для блага которой послали тебя в Египет. *Вспомни* свои одежды славы, *воскреси в своей памяти* величественную мантию, которую ты мог надеть и украсить себя ею...» [9, с. 125]. Знание-гнозис для забывших Бога – своего рода царский вестник, посланник далекой родины, зов Иного. Он напоминает о забытой Жемчужине Истины.

В «Гимне о Жемчужине» у человека две отчизны. Одна из них родина души, другая – родина тела. И в обоих царствах человек чувствует себя вне дома. Его душа чужда родине тела. Тело чуждо родине души. Где присутствует одно, отсутствует другое. Но в присутствующем хранится искра памяти об отсутствующем. И потому души снова и снова падают в мир, забывая Бога. И потому снова и снова они, прислушиваясь к зову истины, припоминают о том, что их ждет Иной дом.

Мучительная раздвоенность душ, распятых между двумя родинами – один из самых распространенных сюжетов гностических космогонии и иных сочинений того времени. Во многих из них, таких, как, например, «Подлинное учение», «Толкование о душе», рассказ о *скитаниях блудной души* облечен в мнемонические образы. В центре повествования – момент обращения души к себе самой. Чудо пробуждения от сна забытья. «Чрево души», до сих пор повернутое наружу, мгновенно, словно бы выворачиваясь наизнанку, обращается внутрь. От этой центральной загадочной точки повествования расходятся в разные стороны взаимно отрицающие друг друга лучи памяти и забвения. До сих пор душа пребывала в узах незнания. Отныне душа знает, что есть у нее два дома, два отца, – земной и небесный.

Счастливый забывшийся – тот, кто не знает, что он забыл. Забывший Бога не страдает, если не сознает своего забвения. Таковы души до пробуждения. Но,

пробудившись от сна, душа испытывает боль. Ужас разделенности двух родин. Душа узнает, что для нее назначена Иная обитель и что настоящее страдание – быть вдали от этой обители. Осознавший свое забвение – страдалец. Для него начинается поворот вспять. Отныне он не только забывший себя, но и припоминающий. Боль и раскаяние, слезы и рыдания – начало пути Домой.

Душа плачет, вспоминая позор своей прежней жизни в земном доме, обители разбойников. Душа стонет и не может простить себе, что забыла свою настоящую родину. Теперь, обратившись к себе самой, душа «забыла дом земного отца, у которого ей было плохо, а вспомнила своего Небесного Отца» [9, с. 177, 183-184]. С какой поразительной ясностью, сколь емко выражен авторами подобных текстов *мнемонический парадокс обращения души*. Память и забвение крестообразно меняются местами друг с другом, как только переворачиваются ценности своего и чужого, подлинного и мнимого, небесного и земного.

Припоминание чужого, которое отныне становится *своим*, влечет за собою *забывание того, что прежде казалось своим*, а теперь становится *чужим*. До обращения душа помнит мнимое и забывает подлинное. Но после таинственного мига очищения все переворачивается: теперь душа помнит подлинное и забывает мнимое. Как изысканно выражались в ту пору, душа «снимает с себя этот мир». Теперь истинная одежда облачает ее изнутри, в тайных сокровищницах Я – надежных хранилищах вечности.

Забывая внешнее во внутреннем, припоминая внутреннее во внешнем, человеческое «я» устремляется за границы самого себя – все глубже внутрь, все дальше вовне, пока болезненная раздвоенность не достигнет очередного предела. Мгновение – и искра краткого понимания озаряет тьму неведения. Скачок через раздвоенность к единству переворачивает сознание и вновь открывает развилку *или-или* – по ту сторону точки их внезапного пересечения. Скрещение двух встречных потоков припоминания и забывания перелицовывает, переодевает, переименовывает мир, преображенный в чуде «второго рождения» души в глубинах памяти. Именно там, во внутренних небесах, должно быть, и хранятся вечные письма Бога.

Согласно гностическим учениям, завершение мировой истории связано и с возвращением всего к полноте памяти, и с окончательным погружением всего в забвение. Искре памяти, упрятанной внутри человека, суждено вернуться к первоначальному царству света. Наделенная гнозисом, душа после смерти восходит, оставляя позади сферы физического облачения – так освобожденный дух за пределами мира воссоединяется с божественной субстанцией. Подобно этому, и в масштабе всеобщей божественной драмы первичная целостность, лишившаяся некогда своей полноты, придет к своей окончательной цели: *самовосполнению, самособиранию, самовосстановлению*.

Спасение человека и конечная цель мира совпадают, это завершение процесса собирания себя, воспоминание рассредоточенного в забвении, воссоздание первоначального единства. Финал космической драмы, *апокатастасис*, есть *восстановление всего*, возвращение в плерому божественной жизни и, вместе с тем,

конец существования мира. В соответствии с некоторыми гностическими концепциями, по завершении процесса восстановления первичной полноты мир придет к концу. И материя, и душа, и мир перестанут существовать. Как говорилось «Законах Ману», когда Он, божественный, бодрствует, тогда этот мир находится в движении; когда Он спокойно спит, тогда все спит. Но в конце существования мир пробудится к вечному небытию, а все бытие уснет навеки.

Сворачивание универсума к Единому можно понимать и как возвращение к полноте внемирной памяти, и как уход мира в за-бытие самого себя. Согласно некоторым версиям гностической эсхатологии, *завершение существования материального мира есть его погружение в полное и окончательное забвение*. Так, в грандиозной спекуляции Василида утверждалось, что, когда повсюду произойдет разделение, т. е. в конце существования, когда материальный мир отделится от душ, которые вернуться на духовную родину, тогда Бог пошлет на весь мир *великое неведение*. Все будет жить согласно со своей природой. *Даже архонты позабудут обо всем*. И, таким образом, произойдет восстановление всего, что было заложено в начале сообразно натуре в семени целого – в свое время [2, с. 179]. В каком-то смысле, это завершение вполне логично. Ведь мир сам явился результатом забвения. Он вышел из за-бытия и, очертив бытийный круг, к за-бытию вернется. С другой стороны, это утверждение с легкостью переворачивается: мир вышел из высшей пра-памяти и, очертив круг забвения, к пра-памяти и вернется.

Конечная цель гностических устремлений – спасение, освобождение из оков мира частички внутреннего света – той, что в апокрифе Иоанна звалась памятью Пронойи. Но, возвращаясь к свету, маленькая светящаяся точка растворяется в целом. И в этом смысле она перестает *быть*, теряет себя в *за-бытии*. Для всего, что существовало, существует и будет существовать в мире, конечной целью является возвращение к первоначальной полноте божественной памяти. Вместе с тем, это возвращение не случайно описывается именно как погружение в полное забвение. Ибо это остановка бытия, бытие за бытием, бытие за-бытия.

Гностический путь к припоминанию истинного дома есть уход в за-бытие, ибо истинный дом – отсутствие в мире. И вместе с тем уход в за-бытие есть путь к самовосстановлению, припоминанию самого себя. В очередной раз человеческая мысль, задаваясь вопросами о мире трансцендентном и будучи не в силах подыскать ему имен, отыскивает понятия из мира имманентного. При этом мысль неизбежно сталкивается с противоречиями, такими, например, как это: конец мировой истории есть и торжество Абсолютной памяти, и победа Абсолютного забвения. Действительно, в пространственной логике разворачивающейся из точки Единого сферы множества миров их предельное сжатие – сворачивание в точку – можно понимать и как результат окончательного припоминания мирами своего единого истока, и как конечный пункт на пути полного забвения ими самих себя как множества. Возможно, в этом совпадении и нашел выражение *мнемонический парадокс религии гнозиса*, часть ее главного парадокса, которым является сам путь познания непознаваемого.

Тайные культы гностицизма опирались на особый духовный праксис очищения от скверны злого мира, – «внутреннее делание» души, которое можно условно называть

магическим искусством памятования имен. Своеобразная мнемоника гностиков была основана прежде всего на вере в тайную магическую силу заклятий, распространенной во всем иудейском, персидском и греко-римском мире первых веков христианства. Первоначальная суть гнозиса – *ведовство*, знание имен и заклинаний для повелевания миром демонов, сил и начальствующих духов (архонтов). Мировой порядок, согласно книге Еноха, держится именно магической силой заклятья: первоначальной клятвой Акае. Из подобных представлений выросли магия, астрология, фатализм гностиков и их идеал аскетического образа жизни, посвященной познанию *тайных имен*. Не божественный разум, не универсальный Логос, а роковая клятва царит над миром. Власть над ним и искупление дается тому, кто *знает эту клятву*, кто *помнит заклятия и тайные имена* всех миродержателей и символы верховного неизреченного Имени.

У гностиков священными считались не только сами имена, но и их элементы, начертания, буквы и сокращения (таковы Иа, Иао, Аоф – от Саваоф). Все они непременно должны были быть «начертаны в душах»: постоянно храниться в памяти. Это было общим убеждением не только гностической традиции, но и эпохи первых веков христианства в целом. Согласно Оригену, божественные имена и заклинательные формулы нельзя было переводить с языка на язык. В них сакрально значим каждый звук, и они действительны только на родном языке. Стоит лишь перевести, к примеру, формулу «Боже Авраама, Исаака и Иакова» с еврейского на греческий, она утратит свою магическую силу и власть [2, с. 82]. В заклинаниях того времени, сохранившихся на геммах, амулетах и папирусах, соседствуют всевозможные имена мифологических героев и персонажей разных религиозных учений, абстрактные понятия эллинских философов и собственно гностические имена, такие как Абрассас, Иалтабаоф, Пистис София, Эон.

Сохранились магические формулы, представляющие собой и *сочетания букв*, переворачивающихся на все лады, чтобы в одном из них могло прозвучать святое имя. За многословным, многоязыким перебором священных имен различных духовных традиций: Зевс, Гермес, Неизреченный и Невидимый, Эль, Ягве, Адонаи и ангелы, – казалось бы, терялся самый смысл силы и власти единственного заклятия. Оно рассыпалось в хаос образов и имен: еврейских, сиро-финикийских, вавилонских, персидских, греческих.

Вероятно, наиболее загадочный аспект мнемонического искусства гностиков был связан с представлениями о множестве небес, через которые душа умершего проходит, восходя к горнему миру и встречая на своем пути препятствия со стороны духов. Эти духи должны были побеждаться различными заклинаниями и тайными именами ангелов-архонтов, известными гностиком и прочно хранимыми в его памяти. Порог памяти служил в какой-то мере и чертой экзистенциальной. Память - гнозис нужно было суметь пронести через границу жизни и смерти. Прижизненное *запоминание* имен и их посмертное *припоминание* определяло судьбу возвращения души из скитаний на земной чужбине в свой истинный небесный дом. Забвение имен преграждало путь возвращения души на метафизическую родину.

Гностическое знание представляло собою отнюдь не только отвлеченный гнозис, приоткрывающий высшие тайны богопознания, но и практическое знание

заклинательных формул и имен-сущностей, которые должны были служить своего рода *паролями* для прохождения космических духовных преград. Пространственное подобие модели космической луковицы и слоистой структуры человеческого сознания превращало цепь имен – переход от одной опорной точки памяти к другой – в символический путь припоминания душой некой лежащей за пределами существования, за порогами памяти абсолютной первосущности – истинного дома души, упавшей в мир.

Тайные имена – вехи, остановки на этом пути припоминания-возвращения. Гностические сочинения, подобно египетским заупокойным тестам, порою представляли собою бесконечно длинные перечни труднопроизносимых имен. Среди них ангелы, архонты, эоны. «Апокриф от Иоанна» может дать ярчайший пример подобных низок тайных имен: «Семь [ангелов]: Михаэль, Уриэль, Асменедас, Сафаса-тоэль, Аармуриам, Рихрам, Амиорпс. И тот, кто над чувствами, Архендекта; и тот, кто над восприятием, Дейфарбас; и тот, кто над всем воображением, Уммаа; и тот, кто над согласием, Аахиарам; и тот, кто над всем порывом, Риарамнахо» (*Ап. Ин.* 17.30-18.2). Цепи имен будто намеренно подобраны так, чтобы оказаться за пределами возможностей обычной памяти. Неспособность запомнить их человеком, не обладающим особой мнемонической одаренностью, представляется вполне очевидной. Для чего же возникла максима *запоминать* то, что заведомо *незапоминаемо*? Что это – метафора бесконечной удаленности земного человека от Божественной запредельности? Знак невозможности ее достижения? Или, может, жестокая издевка над немощью человеческой памяти в ее несопоставимости с полнотой памяти Универсальной?

Чтение сочинений, которые служили сакральной первоосновой мнемонического искусства гностиков, подобно перебору четок имен. Они имеют очевидное сходство не только с древними египетскими, персидскими, индийскими текстами, но и невольно вынуждают вспомнить греческие описания «чудесной» памяти Симонида Кеосского, Хармада Афинского или Метродора Скепсийского. К тому же и сама античная мнемотехническая система, один из основных принципов которой предполагал соотнесение имен с космическими объектами, пространственными элементами, числами или частями тела, была во многом сходной с тем, что так ярко иллюстрирует, к примеру, такой гностический фрагмент:

«И множество ангелов подступило к нему, Иалтабаофу... Первый начал создавать голову: Этерафаопе Аброн создал его голову, Мениггесстроеф создал его головной мозг, Астерехмен – правый глаз, Фаспомохам – левый глаз, Иеронумос – правое ухо, Биссум – левое ухо, Акиореим – нос, Банен-Эфроум – губы, Амен – рот, Ибикан – коренные зубы, Базилиаде – миндалевидные железы, Аххан – язычок, Адабан – шею, Хааман – позвоночник, Деархо – гортань» е1с. (*Ап. Ин.* 15.20-16.22 и сл.). Подобные загадочные перечни тянулись стих за стихом, глава за главой, страница за страницей. Имена, казалось бы, призваны отнюдь не облегчить, а до крайности усложнить запоминание: Латойменпсефей, Гормакайохлабар, Анесималар, Фрпифро, Диолиמודраз, Иамаекс, Архентехф, Марэфнунф... Еще более усложняла запоминание и гностическая традиция применения *числовых шифров*, призванных скрыть знание тайных имен от непосвященных. Так, в учении Василида сумма цифр в имени верховного

Творца «Абракас» была равна 365, числу дней в году и числу небес космического мироустройства.

Магико-мнемонический сплав всевозможных фантастических существ, чисел и сущностей с подчеркнута непамятуемыми именами становился объектом едких нападок, своей громоздкостью и туманностью неоднократно вызывая иронические усмешки и острую критику как со стороны христиан (сочинения Ипполита, Ириней, Епифания и др.), так и со стороны греческих интеллектуалов. «Есть еще один пункт в их учениях, который попросту вызывает отвращение, – писал Плотин в сочинении «Против гностиков». – В якобы священных формулах, которые ими же и сочинены, они вещают о самых божественных, трансцендентных сущностях просто произнося заклинания, заговоры и напоминания о предшествующих событиях. Они уверяют, что высшие силы, послушавшись призыва и ведомые словом, станут служить нуждам любого из тех, кто обучен ими подобным трюкам: каким-то мелодиям, звукам, особым образом направляемым вздохам, шипящим плачам, взываниям и т.п., чему приписывается магическая власть над истинно сущим. Хотелось бы знать, как, по их мнению, подобные вещи могут воздействовать на бестелесные субстанции. Неужто им не очевидно, что сила, которую они приписывают собственным словам, так бесконечно далека от величия Божия?» (Эннеады. П. 9.14) [7, с. 222].

Задолго до Оккама противники гностицизма в образцах его «лжеименного» мнемонического искусства загромождать память тысячами ненужных имен были в праве увидеть всего лишь повод для выражения скепсиса в отношении подобных попыток *умножать сущности без необходимости*. Чудовищное смешение разноязычных слов и выражений в гностических заклинательных формулах неслучайно ставило в тупик противников гностицизма. В иных магико-мнемонических традициях обычно применяли относительно немного кратких, легко запоминающихся слов и звуков. Чем их было меньше и чем они были проще, тем глубже они прочерчивали борозду-след в памяти заклинателя. В гностической магии, напротив, сосуществовало нескончаемое множество имен. К тому же все они, как правило, были подчеркнута сложными, трудно запоминаемыми, готовыми вот-вот улетучиться из памяти и предполагающими непрерывное усилие повторения. Однако все же подобная критика могла быть вызвана и, скорее всего, была вызвана непониманием конечных целей этой мнемонической системы, внутренне вполне логичной и обоснованной.

Гностическая мнемоника священного была нацелена не только и не столько на грядущее *посмертное* восхождение к внемирному Первоначалу, но и, главным образом, на *прижизненное* высвобождение сознания из оков мира. Попытка запомнить, на первый взгляд, бессмысленные сочетания букв и звуков была занятием отнюдь не бессмысленным. Сознание, обраставшее тысячами имен невидимых духовных сущностей, словно бы стремившихся заполнить собою весь объем памяти, восходя по цепям имен и названий от одного неба к другому, от одной онтологической отметки к другой, было призвано все более прилепляться к горнему миру и открепляться от памяти о дольнем.

Исступленное «языкоговорение» требовало невероятного, стремящегося

ко всеохватности объема памяти и ее непрерывного напряжения. Воистину надчеловеческое усилие потребовалось бы, чтобы удержать в памяти перечни имен, постепенно перерастающие из линейных цепей в орнаменты слов, складывающиеся в сложнейшие узоры букв, сплетения звуков и во все нарастающей плотности массы запоминаемого становящиеся символом недостижимой полноты Памяти Плеромы. Не к человеческой, но к *сверхчеловеческой* безграничной памяти, в конечном счете, обращены бесконечные россыпи тайных имен. Тем самым понятие *знающий*: обладающий магическим гнозисом становилось, в какой-то мере, синонимом понятия *помнящий*. Хранителем гнозиса была память. Стоило лишь порождению сатаны – забвению – выхватить из памяти заклинателя тайные имена, стереть магические заклинания, как человек лишался знания, переставал быть знающим. Он утрачивал гнозис: вновь погружался в объятия тьмы невежества.

Человеческая память – бесформенный сосуд. Он может наполняться хаосом временных вещей и служить хранителем любого знания, в том числе иллюзорного, обманчивого, темного. Гнозис не только чеканит и кристаллизует формы этих бесформенных вместилищ, придавая им определенные очертания. Гнозис становится самым содержимым памяти, наполняя ее Жемчужинами нездешней вечной Истины. Гностическая мнемоника должна была очистить сосуды душ от внешних знаний и начертать в сердцах письма памяти об Ином, тайном знании неявного мира. Память, которой вверяет себя гнозис, требовала неослабного порыва к Иному, отсутствующему в этом мире.

Чем более сложные буквенные и словесные сочетания гностик способен был удерживать и перебирать *в памяти*, тем глубже *впадал в забытьё*: в прямом и абстрактно-символическом смысле забывал о здешнем существовании. Подобная эскапическая мнемоника – один из способов гностического бегства от мира и самого себя. Это столь же *припоминание*, восходящее ступень за ступенью от падшего мира к Абсолюту, сколь и *забывание*, шаг за шагом, отпавшего он него мира. Гностический дуализм неуклонно диктовал искусству магической памяти закон *или-или*. Или память о высшем – забвение низшего, или припоминание низшего – забывание о высшем. Третьего не дано. С одной стороны – *Свой*, небесный, подлинный дом души. С другой стороны – ее временное пристанище в *чуждом*, злом и исполненном страданий мире. Они разделены многоярусным порогом памяти о противоположном. Тем же многоступенчатым переходом, который отделяет *свою* родину на земле от *Чуждого* запредельного Бога. Искусство тайных имен и было, по сути, способом поддержания усилия преодоления этого слоистого порога, осуществлением второй части гностического призыва «Встань и помни» – духовным праксисом *непрерывного памятования об Ином*.

Выводы. В забывании земного мира и припоминании изгнанниками забытого Дома состоял главный смысл гностической мнемоники. Трагизм подобного мирозерцания заключался в том, что Дом этот был выстроен в недостижимом Абсолюте. Высшая цель восхождений духа трансцендентна миру. И потому мнемоника *запоминания* *незапоминаемого* лишь звала к недостижимому, немислимому, запредельному, но

никогда не приводила к нему. Ужас – в бесконечной *пропасти между человеком и миром, миром и Богом*, пропасти, которая в гностицизме оставалась непреодолимой. Рассказы о спусках Божеств в мир и восхождениях души к Богу лишь обрисовывали берега этой бесконечной пропасти, но мост был построен из слишком хрупкой субстанции, а именно, памяти.

Метафизический разрыв между человеком и миром, миром и Богом невозможно заполнить цепями имен. Этот зыбкий мост во вневременное и внепространственное неизбежно рухнет, лишь только человеческая память откажется помнить цепь букв, слогов и странных слов «Латойменпсефей, Гормакайохлабар, Анесималар» Лишь на миг хранитель гнозиса, подобно Софии Премудрости, впадет в обморок забытья, душа его, отвлеченная соблазнами мира сего, тотчас *лишится гнозиса*.

Зов Иного уводит человека от себя самого или приводит к себе самому? В гностических учениях Абсолют был слишком высоко вознесен над личной памятью человека. Этот Чужой Бог был отделен от мира слишком большим числом покровов преград, чтобы помнить о каждой человеческой душе так, как индийский Брахма, иудейский Яхве или христианский всевидящий Господь. Связь человека и Абсолюта у гностиков держалась на человеческой: слишком непрочной памяти. Может, этого чувство экзистенциального неуютя и безысходного смятения охватывает каждого, кто знакомится с сочинениями гностиков.

«Истинная жизнь отсутствует. Но мы существуем в мире. Метафизика возникает и держится на этом алиби» [6, с. 73] – говорит современный богослов и философ, убеждая нас в том, что метафизика и есть не что иное как движение, уводящее в «чуждое вне-себя», в «иное место», в абсолютно Иное. Это безмерное метафизическое желание может подарить встречу лицом к лицу с Абсолютом, но может забросить человека в холод пустоты. В том Доме, куда звала вернуться гностическая память, невозможно жить, ибо это Дом несуществования. Но и в этом телесном доме существования – в мире, в котором человек страдает и который ненавидит, – гностику жить не вмоготу, ибо память зовет его выйти отсюда. Изгнанный из обоих домов и не вернувшийся ни в один из них, он мечется между памятью и забвением как бесприютный скиталец.

Литературы:

1. Апокрифы древних христиан: исследования, тексты, комментарии. – М.: Мысль, 1989. – 336 с.
2. Гностики, или О «лжеименном знании» / Пер. с коптск., древнегреч., англ., испанок. и др. – К.: УЦИММ-ПРЕСС, 1997. – 478 с.
3. Йонас Г. Гностицизм (Гностическая религия) / Пер. с нем. – СПб.: Лань, 1998. – 384 с.
4. Карсавин Л.П. Глубины сатанинские (Офиты и Василиды); София земная и горная // Гностики, или О «лжеименном знании». – К., 1997. – С. 230-252; 346-354.
5. Кюмон Ф. Мистерии Митры / Пер. с фр. – СПб.: Евразия, 2000. – 320 с.
6. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. – М.; СПб.: Университет. кн., 2000. – 416 с.
7. Плотин. Сочинения. Плотин в русских переводах / Пер. с древнегреч. – СПб.: Алетейя; М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1995. – 672 с.

8. Поеное М.Э. До-христианский гностицизм; христианский гностицизм // Гностики, или О «лжеименном знании». – К., 1997. – С. 13-34; 149-201.

9. Поэтические гностические и апокрифические тексты христианства. – Новочеркасск: Сагуна, 1994. – 320 с.

10. Торчинов Е. Гносисигностицизм // Йонас Г. Гностицизм (Гностическая религия) / Пер. с нем. – СПб.: Лань, 1998. – С. 3-9.